

«О господи!! — ахнула про себя Санька. — О господи!!»

И в восторге, исходящем откуда-то из глубины души, где бы она там ни располагалась, Санька потрясенно прошептала:

— Красотища-то какая!! Нереально!

И почему-то тут же разозлилась на себя — ну наконец хоть что-то увидела вокруг! Сколько она уже пилит по этой дороге — минут сорок? Ну полчаса! И ни черта не замечает, пребывая в своем безысходно-уставшем раздражении.

Да, раздражении на всё!!

На Лильку и этот ее звонок дурацкий, на то, что все-таки дала себя уговорить и поехала на ночь глядя к ней на дачу, заранее зная, что это очередная блажь и дурь, а не действительно сколько бы то ни было серьезная проблема.

Как обычно.

Санька начала себя ругать и злиться с того момента, как, сдавшись, согласилась «вот прямо сейчас» приехать.

По-хорошему ей надо выспаться. Давно. И как раз сегодня такая перспектива замаячила, призывно помахивая ручкой и даже улыбаясь. Санька специально вечер освободила, поняв, что просто больше не может.

Вот не может и всё! И надо хоть раз нормально отоспаться.

Нормально в ее представлении — это часиков десять, причем так, чтобы лечь вечером — не ночью, а именно вечером, до двенадцати! — и спать до утра, желательно позднего.

Ну хотя бы девять часов — тоже счастье!

Санька была соней. И очень это дело уважала, иногда позволяя себе такую роскошь, что, собственно, и собиралась сделать сегодня.

Она уже несколько дней подряд чувствовала накатившую тупую усталость, ловила себя на том, что приходится перечитывать документы по несколько раз, чтобы вникнуть в суть. Аврально разобрав все самые-самые важные дела, она освободила пару дней для отдыха. А точнее, для сна, неторопливых утр и просыпаний, кофе с особым смакованием и не на бегу, возможности полениться, не спеша собраться и выехать на работу не в самые пробки.

И так она на все это удовольствие настроилась — вот прямо сегодня вечером, заранее предвкушала и подумывала, чем бы себя побаловать в заслуженном ленивом отдыхе, что совсем расслабилась.

«Вот же гадство!!» — ругнулась она, увидев на экране звонившего мобильного Лилькин номер и заранее с большой душевной тоской понимая, что он грозит ей испортить так уже хорошо продуманный отдых.

Лилька ныла, стенала, даже слезу пустила — впрочем, без фанатизма, хорошо поставленным актерским голосом, с некой даже долей отстраненности, но проникновенно.

Так было всегда, у Лили в арсенале имелся особый тембр — плаксиво-дребезжащий, бьющий куда-то в подсознание, слышать который долго не рекомендовалось. Строго говоря, вообще не рекомендовалось — ни долго, ни коротко. Как хорошая оперная певица, берущая высокую ноту и удерживающая ее максимально возможное время, Лилька брала свою «ноту», и тут оставалось только два варианта: либо оборвать ее любым доступным способом — выключить телефон, перебить громкими восклицаниями, а при личном контакте выскочить из комнаты, — либо немедленно капитулировать.

Александра смогла выдержать только начало излагаемой просьбы «вот прямо сейчас, немедленно» приехать и поддержать подругу в каком-то очередном труднопереносимом «горе». Ругая себя последними словами за то, что расслабилась и не сообразила вовремя придумать какое-нибудь совещание или важную встречу, она согласилась.

Да уж, Лилечка была еще та штучка!

«Горе» случалось постоянно, степень «горя» укладывалась в довольно большую вилку — от сломанного ногтя до расставания с очередным богатеньким «папиком». Санька каждый раз злилась, тупея от этих «драм», разыгрываемых Лилей, но выслушивала и терпела — все-таки Лилька была ее единственной подружкой, если, конечно, их странные отношения можно называть дружбой.

Так что Александра Владимировна, пролетев по МКАД поворот на нужный ей проспект, ведущий к дому и любимой, лелеемой в мечтах кровати, злясь беспредельно и оттого все сильнее давя на педаль газа и все глубже погружаясь в какие-то мрачные размышления, поехала сочувствовать «страдалице».

Санька сделала приемник погромче, попереключала кнопки, перепрыгивая с одной радиостанции на другую в поисках чего-нибудь бодренького — надо же как-то бороться с раздражением; чего уж теперь, раз вляпалась!

«Эх, хорошо страной любимым быть!..» — весело оповестил из приемника звонкий детский голос — из далекой пионерской бодрости, бодрости еще и с песнями.

Нет, ну надо же! Вот спасибо! Как раз в тему, чтоб уж совсем тошно стало!

Страной Александра не была любима.

Причем взаимно.

Вернее, не то чтобы «нелюбовь» — это было просто полное равнодушие, незамечание и неинтерес — со стороны страны, разумеется. Сашка же к отечеству испытывала гораздо более тяжелые чувства — невостребованные, естественно, но от этого не отсутствовавшие.

А стране ни за каким фигом Александра Владимировна Романова была не нужна, разве что в роли послушной налогоплательщицы, и то когда налоги с нее стали причитаться довольно весомые.

Стране, как выяснилось после перестройки, вообще ни за каким фигом никто не был нужен, разве что одуревшие от жадности и власти мальчонки,

которые с упоением и по-быстрому эту страну разворовывали и насиловали. Остальных она с веселой радостью выплевывала куда подальше: ученых хорошо так, смачно — по всему миру плевков пришелся, вместе с их наукой туда же полетели писатели, художники, спортсмены. Вот новое поколение выплюнуть не удалось — оно беспризорно рассеялось по вокзалам, бомжатникам, детдомам в лучшем случае, зацепившись за то, «что оно выбирает»: дешевое пиво, наркоту и радости жизни в подворотнях. Армию с ментами тоже как-то не удалось по странам рассеять, пришлось здесь, на месте игнорировать, и все остальное под названием «народ» тоже — ну не нефть же это, в конце концов, и даже не лес с газом, чтоб на них внимание обращать!

Раньше, еще несколько лет назад, Саньку иногда одолевали такие муторные мысли — сейчас-то полегче стало, изменилось многое. А когда она вынужденно начала свой бизнес — ой-ой-ой! — так тошно становилось от бесполезности этой обиды и, главное, безликости — на кого обижаться-то? На страну? Да ладно! Сами сляпали, что имеем, все скопом! На неких правителей? На каких? И потом — зачем? Что попусту-то?

Возьми да что-то сделай! Самый прямой и простой путь — возмутись публично и выскажи свое «фи»! На митинг какой сходи, горло подери. Оно, конечно, можно и в партейку вступить с названием типа: «Народу все надоело!» — и шебуршиться активно, выказывая свою гражданскую позицию. Дело абсолютно и безнадежно глупое и пустое, зато душу отвести можно, поорав вволю на улицах, потрясая плакатиком. А что?

Хорошо — поорал часика три, получил за крик денежку и бутерброды — и тебе приятно, и главному «духовнику» «Народу все надоело» полезно перед выборами и камерами.

Саше орать не хотелось. Она работала всю жизнь на страну и ее благосостояние, это только последние годы — на свое, а до этого... по двенадцать часов в день и на передовой — то есть в науке, — и всерьез, без дураков, и много чего сделала, и многое из ее достижений работает до сих пор и используется той же страной, которой, собственно, на нее, Александру Романову, плевать со всех своих высоких точек!

«Да, господи, боже мой! — опомнилась Санька, тряхнув головой. — Да чего это меня понесло? Вспомнила былые времена! Это все из-за Лильки. И из-за того, что поспать снова не удастся».

Стараясь отвлечься, она посмотрела вокруг — и вдруг увидела закат!!

Санька сбросила скорость, съехала на обочину и, выключив мотор, во все глаза, упершись подбородком в сложенные на руле руки, смотрела на закат.

Над дорогой, тянущейся длинной серой полосой, круто поворачивающей вдалеке и от этого, казалось, обрывавшейся неожиданно, упираясь в величественные сосны, простиралось небо — ультрамариновое, невероятное! А на небе царил закат.

Сказочный, нереальный! В красках, которые мог себе позволить только Рерих!

Несколько длинных тонких облаков тянулись в полнеба и уходили за горизонт, ярко, броско расцвеченные только что севшим солнцем. Бордовые, золотистые, оранжевые и пурпурные краски перели-

вались, искрились, играя, балуясь — то вспыхивая, то затухая, — завораживая, обманывая, втягивая в себя!

Санька даже дышать забыла, так была очарована! Ну вот как можно такое не замечать?!

Даже удивительно, как через раздражение, ничемные мысли-рассуждения, внутреннее ворчание бесконечное смогло пробиться видение, чувствование этакой красоты!

Саша посидела еще чуть-чуть, стараясь запомнить, сохранить ощущения причастности, видения и переживания подлинной красоты.

Краски стали опадать, утихать, ретушироваться, заканчивая представление и уступая сцену сумеркам.

Александра громко вздохнула — надо ехать — и, заведя машину, тронулась с места.

Господи, когда же она сегодня домой-то доберется?

Лилька жила в огромном доме, почти достойном эпитета «усадьба», доставшемся ей от очень-очень-очень богатого дядечки, с которым она состояла в любовных отношениях целых два года. Небывалый подвиг с ее стороны, но при рассмотрении результатов — стоящий того, и к тому же стоивший весьма ощутимую в зеленых американских денюжках сумму.

Она за этим дядечкой, по ее собственным словам, неизменно произносимым с тяжким ностальгическим вздохом, «горя не знала». Впрочем, насколько была осведомлена Санька, горя Лилечка вообще не знала.

Зато очень хорошо знала, как и где брать таких «дядечек» — филигранно отточенное искусство на грани фантастики.

— Важно не как взять, — поучала с ленцой в голосе, присущей светской львице, Саньку опытная Лилька, — важно, как с ним остаться. Я очень благодарная любовница, а большинство девиц из «поисковых» отрядов об этом забывают или не умеют!

Александр все эти объяснения из жизни пасущихся на беспредельных лугах расейского и не только бизнеса в охоте на богатеньких мужиков светско-тусовочных хищниц были глубоко до лампочки, приблизительно как события, происходящие в космосе, где-то в отдаленной галактике.

Ну, кого, например, волнует, что за триллионы там каких-то парсек светового времени родилась новая звезда или взорвалась старая?

Ну вот и ее нет!

Но это была Лилечкина жизнь, она ею дышала, ее ела, пила, в ней спала, двигалась, пребывала и царила.

А Лиля являлась Санькиной подругой, и до недавнего времени единственной.

Других не было: ни лучше, ни хуже — никаких.

— Ладно! — громко приказала себе Александра, прибавив скорости. — К черту все эти мысли! И откуда берутся? Ты лучше рули поскорее, Александра Владимировна, еще домой возвращаться!

Оставаться у Лили с ночевкой Александра не любила, не поддаваясь на ее уговоры и нытье. Уговаривать Лилька умела и без своей знаменитой непереносимой ноты, делала это с чувством, от души, профессионально, но Александра согла-

шалась крайне редко, когда сама решала про себя, что «ладно».

Сашка не любила этот здоровенный дом с претензией на выставочную крутость. В нем все было чересчур: много пространства, высоченные потолки, масса закоулков, и все это глухо ухало от каждого шага, пугало эхом, темными углами и невероятно нервировало масштабом замысла, как ей казалось, не соответствующего внутреннему исполнению.

Такие объяснения Санька пыталась дать самой себе, ей словно было как-то неловко, оттого что она чувствует себя неуютно в обожаемом Лилькой доме.

Да там и было неуютно!

В какой бы части дома ни находился человек, он неизбежно оказывался спиной или к двери, или к какому-нибудь темному углу. Черт его знает, может, его специально так строили, может, это нечто жутко концептуальное или лихо-дизайнерское, недоступное таким непродвинутым барышням, как она. Но оставаться там Санька терпеть не могла и старалась всегда вернуться домой, в Москву.

«Это я хандрю, — поняла Александра, вырulingая на поселковую улицу, в конце которой и стоял Лилькин домина, — злюсь и хандрю! Потому что отдых обломался, а я так все замечательно уже придумала! Э-эх!»

Так папа говорил — хандрить.

— Что ты хандришь, маленькая? — спрашивал он, усаживая грустную Сашку к себе на колени и прижимая к груди. Его уютная теплая грудь, всегда в белой рубашке с галстуком, жилете и пиджаке, пахла сложной смесью химических препаратов, трубочным табаком и просто папой.

Сашка замирала от восторга. Она обожала своего папу, боготворила все, что связано с ним: его запах, голос, сидение у него на коленках, поглаживание его огромной, теплой и шершавой от реагентов руки по ее худосочной спинке с торчащими лопатками. Только там, внутри его объятий, она чувствовала себя любимой, нужной, защищенной и счастливой.

Она так это все любила, что иногда специально притворялась, что ей грустно и это точно можно назвать «хандрой», только чтобы папа взял ее на коленки и гладил, и прижимал к груди, успокаивая и защищая от всех невзгод.

Охо-хошеньки-хо-хо!

Не надо было сегодня ехать к Лильке! Ох, не надо!

Раз полезли такие раздраженные мысли, да еще воспоминания эти, значит, точно вымоталась до предела и ничего хорошего это не сулит! Вот сто пудов!

Воспоминания о папе — это самое лучшее и теплое, что было в ее жизни, и все они находились под запретом.

Строгим. Наистрожайшим!

По многим причинам, одной из которых числилось предвестие неприятностей. Санька однажды вдруг осознала, что каждый раз, когда она вспоминает так ярко и живо папу, видит его и слышит, сразу после этого следуют неприятности. Наверняка да и, скорее всего, так просто совпало несколько раз, а она по привычке вывела закономерность.

А может, он предупреждал ее?

Все возможно, но лучше экскурсии в прошлое контролировать.

«Ладно! Все! Разворчалась тут! — отчитала она себя мысленно. — Приехали! Давай вон вылазь, твоя станция!»

Она остановила машину сбоку здоровенных массивных ворот в таком же внушительном заборе, огородившем необъятных размеров участок. Хорошо, что хоть охранников нет и бешеных собак с ними. Видимо, у ныне присутствовавшего в бурной Лилькиной жизни «папика» на охранников денег нет, а может, жалко денежек — чего любовницу охранять-то, чай, не жена.

— Да что с тобой?! — не выдержав навалившегося пессимизма, ворчания и непролазной тоски какой-то, вслух возмутилась Санька. — Что ты разнылась-то?

Она вздохнула тяжело, как старушка над своей скудной пенсией и горемычной жизнью. Вздохнула еще раз — идея выспаться сегодня в любом случае накрылась, чего уж теперь вредничать.

Санька торопливо стала выбираться из машины, заметив, что ворота, дрогнув могучим телом потревоженного богатыря, стали медленно открываться. Это Лилька усмотрела ее подъезжающую машину с балкона.

Александра прокричала, одновременно ставя машину на сигнализацию:

— Я заезжать не буду!

— Ты что, не останешься? — отозвалась с балкона Лилька капризным голосом.

Санька всегда поражалась: как это у нее так получается — кричать и ныть одновременно? Профессионал!